

ПОБЕДУ ПРИБЛИЖАЛИ И УЧИТЕЛЯ

Галина Суворова,
доктор
педагогических
наук, профессор

Завершая свою книгу «Воспоминание и размышления», Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков писал: «С каждым годом мы всё дальше и дальше уходим от военной поры. Выросло новое поколение людей. Для них война — это наше воспоминание о ней. А нас, участников этих исторических событий, становится всё меньше и меньше. Но я убеждён: время не имеет власти над величием всего, что мы пережили в войну... Человек, переживший однажды большие испытания и победивший, будет потом всю жизнь черпать силы в этой победе. Это справедливо и для всего народа.

...Оглядываясь назад, мы всегда будем помнить тех, кто не щадил себя для победы над врагом нашей Родины».

В моей пенсии по возрасту есть сумма весьма странная: в прошлые годы 70, а теперь 80 рублей. Это признание нашим правительством того факта, что в годы Великой Отечественной войны и десятилетние дети работали на победу.

...Детская память избирательна и спасительна. Самое страшное она упрячивает в «глухие» уголки на долгие-долгие годы, кажется — навеки... А потом вдруг воспроизводит яркие, будто только что происходящие картины. Так и со мной.

Первый день войны — это ожидание встречи с мамой и с братом в пионерском лагере под Яхромой. Солнце, поляна, спелая душистая земляника, радость «родительского дня»... Но вместо мамы приехала незнакомая учительница из Москвы. Спешные сборы, маленький автобус до Москвы. Едем по берегу Москвы-реки, мимо шлюзов... И — немецкие бомбардировщики, пополам расколотый пароход в соседнем шлюзе, взрывы, крики тонущих детей...

Неделя жизни у чужой учительницы, потом возвратились мама и брат. Мама вместе с другими учителями увозила школьников района в эвакуацию, кажется, куда-то к Курску, но всех их вовремя вернули в Москву. Память моя спрятала конец июня, казалось, навсегда. Но хорошо помню: детские убеждения, порождённые географической картой на коленях, в том, что велика наша страна в сравнении с Германией и поэтому мы непременно победим и очень скоро, — никогда не покидали нас. Точно так же, как радость, когда лучи прожекторов ловили немецкие самолёты, а зенитки сбивали их. И радость даже от того, что утром и днём мы находили осколки, наверное от снарядов, нам же казалось — от немецких самолётов.

Жили мы в Алексеевском студенческом городке, и у нас, детей преподавателей МГУ, не было страха: мы не верили, что армия наша и Сталин сдадут Москву. Мама моя (отец-генетик к этому времени был расстрелян, но мы не знали этого), как и родители моих сверстников, тоже не допускала этого или не говорила при нас о своих тревогах.

Мы твёрдо верили, что любимые нами юноши-соседи: Женя Ивановский, Боря Малышев, Иося Друтман и их одноклассники, которые ушли на фронт добровольцами, — победят. Они — такие умные, красивые, добрые — просто не могут не победить! Но с победой вернулся только Боря... Потом была эвакуация в Рязанскую область, год жизни в селе Алёшня. Год, который семья эвакуированных могла и не пережить, если бы не помощь местных учителей и крестьян. Анфиса Павловна — учительница немецкого языка — брала нас с братом в соседнее село, где жила, подкармливала, чем могла, а сельские наши сверстники показывали нам, где появились первые круги луговых опят, шавель, съедобная трава и приносили горстки чечевицы и овса.

В Москве в 1943 году было легче, чем в деревне: продовольственные карточки двух иждивенцев (подростков) и служащей при всей скудности своей поддерживали жизнь. Учителям уже в 43-м полагались карточки УДП — усиленного дополнительного

питания. Можно было по ним в столовой на нынешней Ярославской улице получить порцию жиденького супчика, каши или картофеля и суфле — затруднюсь сказать, что это было — скорее всего что-то соевое. Ученики в школах получали кусочек чёрного хлеба с крохотной кучкой сахарного песка и стакан морковного чая.

С середины 1944-го к кусочку хлеба уже полагалась конфетка-«подушечка», а концу года хлеб заменили бубликом. Кажется, что в школу мы ходили больше всего из-за стакана чая и кусочка хлеба, которые давало нам тогдашнее тоталитарное правительство. Оно же поддерживало и учителей скудным УДП. Наше нынешнее демократическое, заботящееся о детях — будущем России, таково, что история страны, жизнь родителей, дедов, похоже, его не интересует, неизвестны ему. А может, их родственники не знали той войны, которую знали, пережили мы и наши родственники, и ему, правительству, не с чем сравнить свою «заботу» о детях, школе и учителях...

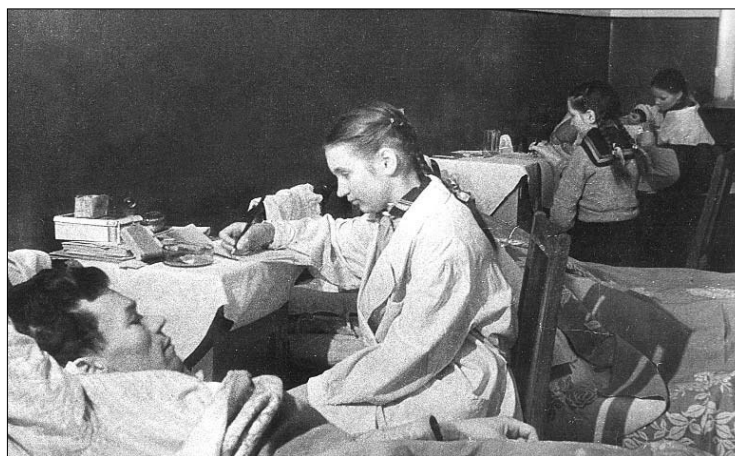
Учителя военной поры... Их жизнь, их ежедневный труд никто не назовёт подвигом — слишком обыденны они. Каждый день шли в школу — голодные, истощённые, плохо одетые. Учили нас русскому языку и литературе, математике и физике, географии и истории... Лидия Николаевна Егорова была директором нашей, 279-й школы. Худая до изумления, в тёмном костюмчике, всегда прямая и строгая... О прежней её жизни напоминало пенсне. Иван Иванович (к стыду своему, фамилии многих учителей уже не помню — пусть простят они меня!) — дорогой наш физик, который исхитрялся в наши девичьи головы вкладывать мудрёные знания. Серафима Ивановна — очаровательная женщина, сумевшая согреть теплом сердца самых бедных, обездоленных своих учениц, открыла нам красоту математики. А Маргарита Павловна, «француженка», изящная, красивая, открыла французскую литературу, культуру Франции. Надежда Львовна, учительница русской литературы, осталась нашей лю-

бовью на всю жизнь. У Зинаиды Тимофеевны Бабкиной мы ходили на головы, пользуясь её добротой, пока директор школы не сказала, что Зоя Космодемьянская — её племянница...

Они учили нас без скидки на войну, были требовательны, строги так, как сегодня мало кто требователен. Мы ежегодно сдавали экзамены по всем учебным предметам, знали наизусть протяжённость русских рек и железных дорог, данные геологических разведок каменного угля и нефти. Мы читали Шекспира, Ибсена, Бальзака, Мопассана, Голсуорси (невозможно и стыдно было не прочитать их!), часами могли декламировать наизусть Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока, Есенина, стихи Ахматовой, Цветаевой, Волошина, Пастернака, Гумилёва и, конечно, Симонова и Суркова. Наша маленькая группа «французов» — остальные были «немцы» — легко сдавала экзамены в МГУ по русскому языку и иностранному. Это не преувеличение, не похвальба. Просто наши учителя были профессионалами и людьми чести, считали долгом своим выпускать из школы знающих и культурных людей. Даже в такие тяжёлые годы военного времени в школе были драматический и хоровой кружки, праздничные вечера совместно с мальчиками из соседней 277-й школы. И был кружок бального танца. Нас научили танцевать вальс, танго, фокстрот, даже несколько па мазурки. Это — в суровые, голодные годы войны!

Учителя наши, как могли, старались украсить, расцветить нашу тревожную, скудную радостями молодость. Они сделали из нас заядлых театралов: входные билеты за копейки позволяли нам бывать на всех спектаклях московских театров. Мы, их ученики, не были идеальными, нередко огорчали плохими ответами, шалостями, мальчишечьими драками («разборками», по-нынешнему)... Учителя нас наказывали и... прощали.

В школе нас научили оказывать первую медицинскую помощь, поведению в экстремальных ситуациях — были такие уроки ПВХО (противовоздушная химическая оборона), санитарное дело. А ещё нас научили ухаживать за ранеными. Недалеко от школы располагался госпиталь. После уроков мы с учителями ходили туда. Я не помню, чтобы мы пели, читали стихи, как это

показывают в фильмах про войну. Зато помню километры стиранных бинтов, которые надо было свернуть, скатать, чтобы врачам и медсёстрам удобно было делать перевязки. Помню, как мы поили из маленьких чайничков с длинными носиками замотанных в бинты неподвижных мужчин, кормили их жиденьким супчиком и кашей. Помню запахи госпитальных палат. Наши учителя учили нас в общении с ранеными солдатами «делать» спокойное и приветливое лицо, чтобы не тревожить раненых, и ни в коем случае не плакать, не ахать и охать... Учили обходить в разговорах вопросы о трудной нашей жизни. Они, наши любимые учителя военных лет, учили нас состраданию, умению не жаловаться, не стонать, не переключать беды на другие плечи, а нести их самим, несмотря на возраст.

Спасибо вам, учителя московских, рязанских, тульских, псковских и многих других сельских и городских школ военной поры! Спасибо тем, кто, вернувшись с фронтов, пришёл в школы, разорённые, сожжённые, кто восстанавливал народное образование, кто создавал науку. Помню, как все мы были потрясены страшными цифрами материалов Чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений гитлеровцев. Фашисты приравнивали школы к военным объектам, жгли, взрывали их, как и музеи, театры, библиотеки, — всё, что создавало и хранило для сотен поколений русскую национальную культуру и культуру других народов Советского Союза. От этих сведений содрогнулась вся страна: мы тогда ещё не привыкли к нынешней равнодушной статистике жертв американских бомбёжек Югославии и Ирака, к горам трупов на экране ТВ...

...На временно оккупированных территориях нашей страны за годы Великой Отечественной войны было уничтожено более 30% национальных богатств, в том числе полностью 1710 городов и посёлков городского типа, свыше 70 тысяч сёл и деревень. Только на территории России в огне войны погибло более 20 тысяч из 30 имевшихся до войны школьных зданий, где обучалось 5 миллионов детей. Треть всех школьных зданий потеряла Тульская область. В Ростовской области из 2609 школ 600 — полностью разрушены, 600 — значительно, остальные приведены в негодность. 3199 из 3933 в Орловской, 1311 из 1798 в Брянской области. В Подмоскovie, несмотря на кратковременность оккупации, гитлеровцы уничтожили 1355 школьных зданий. В Карелии, Сталинградской, Курской областях — почти все. В Белоруссии, Молдавии, Прибалтике — около 90%. Господь всемогущий! Это делали враги... А сколько же школ закрыто сейчас?!

Архивы музеев, в том числе Белгородчины, Партизанской поляны Брянщины, Подмоскovie, хранят память об удивительном, ежедневном, неприметном профессиональном подвиге учителей. В первые же дни войны вместе со своими выпускниками они уходили на фронт добровольцами, готовили партизанские базы на западе России — на временно занятых фашистами территориях: шли в партизаны, нередко возглавляли сопротивление, выпускали подпольные газеты, листовки, поддерживающие веру народа в по-

беду. Гитлеровцы расстреливали, вешали, истязали учителей так же, как политработников и командиров Красной Армии, хорошо понимая их роль.

В тылу учителя продолжали учить детей, в каникулы работали на колхозных полях, на фабриках и заводах, собирали средства в помощь фронту, отдавали и часть своих небольших средств, вместе со школьниками собирали тёплые вещи для красноармейцев, шили кисеты, вязали носки и варежки, писали письма фронтовикам... Учителя были первыми, к кому бежали женщины с похоронками в руках, — утешали, как могли, принимали и разделяли их боль, пытались поддерживать в них жизнь...

А на временно оккупированных территориях учителя открывали школы на дому — звали ребятишек к себе и под угрозой смертной казни занимались с ними. В партизанских отрядах, партизанских бригадах и партизанских зонах работали начальные школы — в землянках, а то и прямо под деревьями, на полянах. В партизанских зонах Ленинградской области таких школ было 53. В Псковской, Смоленской, Сталинградской, Ростовской и других областях России, так же как в одесских катакомбах, белорусских лесах, создавались и работали подпольные советские школы. Учебников, букварей, тетрадей нет. Разрезная азбука — из дубовой коры, букварь — на песке, на земле, тетрадь — берёзовая береста или тот же песок. Тексты задач и диктантов — по сводкам Совинформбюро о только что оконченном бое, о вражеских потерях, рассказы о живых и павших героях — всё о героизме, верности, стойкости и любви к Родине. Если удавалось достать бумагу, по памяти и боевым действиям создавали рукописные учебники.

К осени 1943 года, когда партизаны могли защищать население, когда в лесах скопились уже большие массы беженцев из сёл и деревень, организация «лесных школ» в партизанских зонах стала делом вполне обычным. Кроме уроков русского языка, арифметики, чтения готовили ху-

дожественную самодеятельность, естественно, и на злобу дня, проводили праздничные утренники в день 7 ноября, вели приём в октябрята и пионеры. Шла привычная школьная жизнь в боевых условиях, создавали её детям сотни учителей. Таким обыденным делом казалась их работа, что имена их и не связывали с подвигом, и ушли они из памяти послевоенных поколений. Лишь немногие известны. Варвара Григорьевна Иванова, Чабакан Засиева, Александра Петровна Линская, Нина Павловна Шалаева, Анна Ивановна Малахова, Аполлинария Завалишина. Пусть продолжают те, кто помнит, этот героико-педагогический пантеон.

Повседневным подвигом была и работа тысяч учителей по восстановлению школ. Война шла, до победы были ещё долгие месяцы, а на освобождённых территориях, учителя проводили занятия в сохранившихся избах, сараях, землянках. Катастрофически не хватало учебников, учили по памяти, сами составляли пособия, дидактические материалы. Вернувшиеся с тяжёлыми ранениями, будущие народные и заслуженные учителя Александр Александрович Ковалёв, Андрей Николаевич Чернышов, Александр Иванович Бейгул создавали первые авторские школы. Выдающиеся организаторы народного образования — Александр Михайлович Арсенов, Владимир Павлович Стрезикозин, Сергей Яковлевич Беленький, Иван Дмитриевич Зверев, Эле Исаевич Моносзон, Николай Кириллович Гончаров и многие другие, с кем судьба мне подарила профессиональные встречи и дружбу, не считали себя героями. Они работали, создавая новую школу. Так же, как и Полина Георгиевна Лозина — участник Парада Победы, кавалер орденов «Знак Почёта», Октябрьской революции, Отечественной войны II степени, заслуженная учительница школы РСФСР, а затем и народный учитель, работавшая в Любятковской начальной школе Псковской области. Не однажды по несколько дней была я на уроках немолодой уже Полины Георгиевны, учительницы от бога. Работала она в объединённом классе: с пер-

воклассниками и третьеклассниками в одном помещении. Поражало невероятное количество наглядных пособий, приготовленных ею и детьми. Учителям, приезжающим за советом и помощью, она дарила пособия килограммами, не забывая подробно рассказать, для чего каждое, где и как лучше его применить.

Ученики её (а я общалась с ними не один год) отличались доверчивостью, открытостью, как и все сельские ребята, на переменах и после уроков по моей просьбе охотно рассказывали о родителях, о себе, об одноклассниках, читали стихи, пели, танцевали, показывали сценки из спектаклей, поставленных для родителей и жителей деревни. Дружелюбные, открытые, они с гордостью говорили о том, что лучше всех поют Витя и Денис, а танцуют — Анжела и Оля. На уроках негромко звучал голос учительницы: «Молодцы, хорошо, очень хорошо!», «Алёша, ты уже читаешь, как я», «Оля, устала? Закрой глаза, посиди тихонько, всё успеешь сделать, не волнуйся». На её уроках был, как теперь модно говорить, психологический комфорт, каждому она создавала ситуацию успеха. Мягко, спокойно, ласково. У Полины Георгиевны главным правилом для учителей и для себя были терпение, доброта, требовательность.

А ученики её исполняли свои правила: «Урок — великий труд, огромный труд», «Душу и сердце в работу вложи, каждой секундой своей дорожи!», «Забыл — спроси у книги». Самodelки, конечно, но в них — уважение к себе, к школе, к уроку и знанию. Кажется, на третьей или четвёртой нашей встрече, за чаепитием учительница откликнулась на просьбу и рассказала о себе.

Девятый ребёнок в крестьянской семье, которая жила в деревне под говорящим названием «Гнильское». Глухомань, 200 километров до Пскова, 80 — до шоссе по болотам, по лесам. Выпуск школы встретил известие о начале войны на берегу реки. В 9 утра вернулись в школу, дали клятву бороться с врагом. Мальчишки-добровольцы ушли на фронт, девочки две недели набивали патроны, копали окопы, осваивали навыки ухода за ранеными. 7 ноября Полина ушла в партизанский отряд, была связной, летом 1943-го её избрали секретарём ВЛКСМ отряда, в 1944-м — комсомольским вожаком партизанской зоны. После войны учительствовала в г. Палне, заочно окончила сначала педагогическое училище, затем Псковский пединститут, исторический факультет, с 1957 года — в начальной Любятковской школе, более 30 лет. И все эти десятилетия скромная, невысокая, очень уютная женщина отдавала детям душу, знания, веру в свой народ, воспитывало любовь к России, которую защищала в годы войны...

Сколько ни пытаюсь, ни силюсь — не могу вспомнить: есть ли где-нибудь в России памятник учителю? Учителю — Победителю в войне с фашизмом. Мечтаю о таком памятнике, созданном скульптором Вячеславом Клыковым.

А пока, если будет праздничный салют в честь 60-летия нашей Великой Победы, пусть его залпы прогремят и в честь учителя! Учитель, как и солдат Победы, этой чести вполне заслуживает... **НО**